

СИСТЕМА ПЫТАЛАСЬ НАС РАЗЪЕДИНИТЬ

Кажется, Марина Влади сменила амплуа: вышедшую недавно во Франции ее книгу «От сердца - к чреву» можно назвать очередной. Это уже пятая публикация Влади, закрепившая за ней новую жизненную роль писательницы

- Все началось, как вы знаете, с биографической книги о Володе, - рассказывает Марина Влади. - Она мне далась очень легко. Однако это был документальный рассказ, наша с ним реальная жизнь. Дальше - сложнее. Я выпустила сборник «Рассказы для Милицы», где главные герои - животные, а потом взялась за романы. Первый - «Венецианский коллекционер», переведенный на русский язык, а в 1993 году - «Путешествие Сергея Ивановича», книга об афганской войне, написанная в том числе и в память о Володе Высоцком. Помню, когда в конце 1979-го и в 1980 году показывали сюжеты из Афганистана, он просто плакал. Это был, пожалуй, последний удар, полученный им перед смертью. Володя не мог смотреть, как убивают молодых солдатиков, которых он считал не виновниками, а жертвами. Я очень хотела, чтобы роман прочитали во Франции. Ведь афганская война напоминает ту, которую вела Франция в Алжире: такие же молодые ребята были брошены туда, а вернулись они убийцами, встретили дома обращенные к ним спины.

Увы, «Путешествие Сергея Ивановича» так и не появилось на русском языке, а книга, к моему сожалению, стала актуальной и в России - из-за того, что происходит в Чечне.

Последнюю же книгу «От сердца - к чреву» можно считать мемуарами. Она состоит из 50 коротких рассказов, связанных одной

общей темой - застольями. Одна из глав, конечно же, посвящена Высоцкому - самой яркой странице моей жизни. Ему я обязана и тем, что писательство стало для меня еще одной профессией - без «Владимира, или Прерванного полета» не было бы и всего остального. До того, как я взялась за книгу о Володе, я даже не могла представить себе, насколько литературный труд дает ощущение свободы, насколько он интереснее, чем труд актрисы. Хотя я, конечно, очень люблю играть. Это, кстати, помогает и в литературе - более чем за 40 лет актерской карьеры привыкла влезать в чью-то кожу, перевоплощаться в своих героев.

В «От сердца - к чреву» рассказываю и о других примечательных для меня встречах со знаменитостями, например Федерико Феллини, Орсоном Уэллсом, а также с простыми людьми. Это, конечно, не классические мемуары (за них я вряд ли когда-нибудь возьмусь), а скорее то, что в живописи называется «ташизмом», - сочетание каких-то воспоминаний - «пятен», внутренне не связанных между собой определенной композицией. А самое первое воспоминание: мне, Марине Поляков, дочери русских эмигрантов, всего 2,5 года, родители, жившие бедно, решили устроить представление, чтобы немного заработать, и я впервые тогда появилась на сцене... Накануне мама три дня пекла пирожки, и я отчетливо помню и запахи этих пирожков, и как пляса-

ла и пела.

- Как ваши родители попали во Францию?

- Это длинная история, полная невероятных перипетий. В 1917 году маме было 18 лет. Получив воспитание в Смольном, в институте благородных девиц, она поначалу, увлекшись новыми идеями, приняла революцию и вывешивала в окнах красные полотна. Но вскоре она оказалась свидетельницей того, как убили ее директрису. На ее глазах громили лавки торговцев-евреев. И иллюзии развеялись. Не буду рассказывать все в подробностях, но мама пережила несколько трагических потрясений, пока не оказалась в эмиграции.

- Вернемся к вашей сегодняшней творческой жизни. Что же, книги полностью вытеснили из нее театр и кино?

- Нет. Слава Богу, продолжаю сниматься и играть на сцене. Пару лет назад в театре у прекрасного режиссера Маршала получила наконец роль, о которой мечтала всю жизнь, - чеховская Любовь Андреевна в «Вишневом саде». Осенью начнутся репетиции спектакля «Переход» по пьесе молодого драматурга Вероник Ольми, которая взялась за очень сложную задачу - описать французский период жизни Марины Цветаевой и ее отношения с сыном. На мой взгляд, пьеса прекрасная, и вместе с молодым актером Матье Розе мы будем играть ее в начале будущего года 45 раз в парижском театре «Рон Пуэн».

В кино тоже пока простоять нет.

Сейчас снимаюсь в телесериале, рассчитанном почти на восемь часов показа. Типичная «Фамильная сага» о семье парфюмеров из Грасса. Этот город на юге Франции, где, кстати, долго жил Бунин, слышит «столицей духов».

А недавно вернулась из Одессы, где участвовала в съемках греческо-украинского фильма «Ветер над городом». Романтическая история бродячего театра в несуществующей стране. Надо сказать, я не удивилась, что выбор пал на Одессу. Раньше я много раз бывала там, в том числе вместе с Володей, который часто снимался на местной киностудии. Сейчас же - действительно «несуществующая страна». У меня до сих пор не укладывается в голове, что Украина, Грузия или Армения, куда я всегда с удовольствием приезжала, изолированы друг от друга и от России. Одесса произвела на меня тяжелое впечатление. Я видела, как в музее женщины утюгами сушили промокшие от влаги ценнейшие рукописи. А рядом в казино проматываются тысячи долларов. Я - не экономист, и у меня нет рецепта, как сделать мир более справедливым, как заставить богатых делиться с бедными. Но я очень хочу, чтобы Россия и все ее теплые соседи стали нормальными демократическими государствами. Я опять вспоминаю Володю. Он всем нам дал возможность думать по-другому. Во многом способствовал переменам. Не как политик, а как ясно-

видец - ведь все, о чем он писал и пел, удивительным образом подтвердилось.

- Осталась ли у вас какая-то ностальгия по прежним временам и нравам? Один русский эмигрант сказал мне однажды: почему из Высоцкого сделали мученика, никто его не преследовал, он выступал, пользовался славой, да еще ему позволили жениться на такой женщине...

- Ностальгия есть по молодости, а не по той системе. Когда-то, в 1968 году, на волне студенческой революции во Франции, у меня был даже «флирт» с компартией. Удивительным образом мое короткое и скорее символическое членство в партии помогло в одном - я получила возможность приезжать в СССР, а значит, видеть Володю. Думаю, что это способствовало и получению им выездной визы, которую мы долго даже не просили, настолько были уверены, что «невыездного», как у вас говорят, Высоцкого никто из страны не выпустит. А то, что мы поженились (кстати, с большим трудом, нам здорово мешали), спасло его, я в этом убеждена. Дело не только в том, что мне удалось заставить его хоть как-то взять себя в руки. Не будь нашей женитьбы, Высоцкого просто извели бы - он или погиб бы намного раньше, или оказался в тюрьме. А при мне его не решались трогать, Володя оказался как бы на «нейтральной полосе», о которой он сам пел. Тот, кто говорит о выдуманном

мученичестве, не знает, каким унижениям и оскорблениям подвергала Володю система, как она пыталась разъединить нас. До сих пор помню отвратительную сцену, когда его, известного на всю страну человека, не пустили во время международного кинофестиваля в Москве в один автобус с иностранными актерами, где была и я. Володя часто говорил мне, что на Западе люди знают Сахарова, отказников, диссидентов, о которых пишут газеты, но плохо представляют себе, что такое ежедневное, изматывающее давление, борьба с «ватной стеной», как он называл любое общение с чиновником, решающим твою судьбу, личную жизнь, карьеру. Он как-то сказал мне: «Они не дадут мне жить, они не хотят принять меня, они меня просто игнорируют». И очень переживал до конца дней своих, что его не хотят признать как поэта.

- Если бы Высоцкий дождался сегодняшних событий, как, на ваш взгляд, он воспринимал бы новые времена?

- Мне часто задают этот вопрос. Ответить на него очень трудно. Конечно, твердо могу сказать, что он не состоял бы в тех новых или старых отвратительных движениях и партиях, которые, подобно яду, всплыли на поверхность, не принадлежал бы к числу национал-патриотов. Уверена и в том, что Володя никогда не согласился бы с несправедливостью и войной. Но радовался бы свободе - личной, творческой. Свободой говорить то, что думаешь, сво-

бодой видеть мир, не выпрашивая милости у ОВИРа... Самое печальное, что он так и не увидел при своей жизни перемен, которых очень хотел. Правда, мне кажется, что Володя, его песни и стихи до сих пор оказывают людям моральную поддержку, тем более что многим живется все-таки тяжело. Я не могу давать советов, как каждому искать свою дорогу и судьбу. Нужен, по моему, прежде всего переворот в умах людей, какая-то интеллектуальная, что ли, революция, чтобы побыстрее уйти от состояния «дикого капитализма», но не возвращаться в прошлое.

- Высоцкий по-прежнему нужен России. А помнит ли его Запад?

- Да, и сыграла, думаю, свою роль моя книга «Владимир, или Прерванный полет», которую здесь неплохо знают. Сейчас на Бродвее ставится музыкальный спектакль по этой книге и, конечно, с песнями Высоцкого. Довольно часто устраиваются вечера его памяти. Недавно я выступала в Италии, где лучшие певцы исполняли Володины песни. Во Франции тоже проходят подобные вечера... Знаете, до сих пор, хотя прошло уже почти 16 лет, когда слышу записи с его голосом, разговорами со зрителями, ощущение такое, будто он где-то рядом, подойдет, возьмет за плечо и уведет меня...

Виталий ДЫМАРСКИЙ,
соб. корр. РИА «Новости».
Париж.